

**СТРУКТУРА КОНТАМИНАНТОВ
В ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ**

Гипотеза нашего исследования заключается в том, что на структуру контаминантов влияют такие факторы, как намеренность или случайность их образования, а также тот факт, является язык родным или иностранным. Мы сопоставили спонтанные и намеренные контаминанты, образованные носителями английского языка (L1) в естественных условиях общения, и намеренные контаминанты, сконструированные русскоговорящими в условиях эксперимента (L2). Эксперимент максимально воспроизводит условия образования намеренных контаминантов, поэтому ожидается, что экспериментальные и естественные контаминанты не будут существенно различаться. Материалом для изучения намеренных контаминантов послужили 540 единиц из «The Rice University Neologisms Database» и из выборки Н. Беляевой, контаминантов-оговорок – 101 единица, найденная в «Fromkin's Speech Error Database». Кроме того, мы воспроизвели с русскоязычными испытуемыми эксперимент, проведенный И. Плаг и С. Арндт-Лаппе с носителями английского языка. В результате был установлен ряд структурных различий в приведенных группах контаминантов.

Длины основ. Намеренно образованные контаминанты (L1) обычно равны по длине более протяженной основе, но могут и превышать ее длину (12,7 %). В оговорках (L1) основы равны по длине друг другу и контаминанту. В эксперименте (L2) испытуемые гораздо чаще превышали длину более протяженной основы (в 31,2 % случаев).

Акцентно-слоговая структура. Оказалось, что намеренно образованные контаминанты (L1) чаще всего сохраняют акцентно-слоговую структуру более протяженной основы (56,7 %) или теряют сходство с основами (26,6 %), а при частичном сохранении структуры они обычно перенимают ударение основы-2. Оговорки (L1) наиболее точно сохраняют структуру производящих основ (95 %). Испытуемые (L2) часто образовывали контаминанты со структурой, отличной от производящих основ (55,1 %). При сохранении частичного сходства с производящими основами нередко перенималось ударение основы-2 (9,6 % против 7,8 %) и чаще, чем у носителей, – первичное ударение основы-1 (4,1 % против 2,8 %).

Усечение и наложение. Мы установили, что для оговорок (L1) в большей степени характерно усечение основ (66,3 %), чем усечение в сочетании с наложением (33,7 %). В намеренно образованных контаминантах (L1) соотношение обратное: усечение в сочетании с наложением (59,1 %) преобладает над усечением (39,8 %). В эксперименте (L2) показатель усечения выше, чем в остальных группах (68,6 %). Усечение в сочетании с наложением для испытуемых оказалось менее характерным (27,8 %).

Выводы. Намеренность или спонтанность образования контаминантов, а также использование родного или иностранного языкового кода сказываются на структуре контаминантов. Намеренно образованные контаминанты (L1) проявляют наибольшую структурную вариативность, отличаются по структуре от производящих основ, а оговорки (L1) структурно похожи на производящие основы. Участники эксперимента (L2) не пытаются строго воспроизвести длину и структуру производящих основ, предпочитают усечение, в то время как носитель комбинирует наложение и усечение.

II. Навіцкі

МОЎНАЯ ГУЛЬНЯ ЯК ІМАВЕРНЫ VS. АСНОЎНЫ МЕХАНІЗМ РЭАЛІЗАЦЫІ ІНТЭНЦЫІ МАЎЛЕНЧАГА АКТА

Кожны раз, распачынаючы гаворку, мы нават і не задумваемся пра тое, што гаворым мы не каб сказаць, а каб быць пачутымі. Мы жадаем нешта паведаміць такім чынам, каб нас зразумелі. Мы пачынаем маляваць «стратэгію», дзякуючы якой з'яўляецца больш адсоткаў таго, што дасягнецца паразуменне. Улічваючы такія фактары, як сацыяльнае становішча нашага суразмоўніка (пол, узрост, сацыяльны статус, род дзейнасці, узровень адукацыі), сітуацыя маўлення (наяўнасць часу, культурныя абставіны), узровень валодання мовай дваіх суразмоўнікаў і г.д., кожны з нас незнарок пачынае «падбіраць» лепш падыходзячыя словы, інтанацыю, месцы для лагічных паўз і г.д.

Усё гэта можа паходзіць на сапраўдную гульню, дзе ўмовы маўлення – тое, што мы ведаем пра каманду саперніка, а сродкі маўлення – нашы гульцы, якімі нам трэба кіраваць так, каб перамагчы. Пад перамогай мы разумеем дасягненне ўзаемапаразумення.

Возьмем кароткі сказ: «А». Канешне, адразу кідаецца ў вочы тое, што сказ складаецца толькі з адной літары. Прыкметна і тое, што зараз гэта літара можа выконваць ролю больш чым адной часціны мовы. Напрыклад, мы нешта доўга тлумачылі суразмоўніку, пасля чаго ён радасна ўскрыкнуў, выказваючы паразуменне. Значыць, можна сказаць, што ў гэтым выпадку літара выконвае ролю дзеяслова «зразумеў/ла». А як жа відавочная роля гэтай літары-слова? Канешне, мы можам гаварыць пра тое, што гэта з легкасцю можа быць выклічнік, што ў сваю чаргу значна пашырае кола магчымых варыянтаў інтэрпрэтацыі такога сказа. Ён можа значыць як здзіўленне, так і спалох, і выкрык болю, яшчэ шмат чаго. А можа, гэта нехта ўдзельнічае ў віктарыне і называе варыянт, які ліча правільным. Тады ці будзе правільным, калі мы назавем гэтае слова назоўнікам ў дадзеным выпадку? Мабыць, хтосьці проста падпісаў нейкую паперу сваім ініцыялам?

Калі працягнуць разглядаць такія прыклады, відавочным стане той факт, што інтэнцыя моўнага акту будзе бачна лепш у тых выпадках, калі ёсць магчымасць паразмаўляць наконт гэтага з аўтарам выказвання ці тэксту,